

Протоиерей Александр Дьяченко

Обними меня,

или О чем священник говорил с собакой

Этот рассказ похож на тщательно продуманный художественный вымысел: переплетение событий, диалогов, судеб складывается в единое полотно. Но только все написанное здесь — правда. Ведь иногда и не надо ничего выдумывать — достаточно внимательно всматриваться и вслушиваться в то, что тебя окружает, и наблюдать, как разрозненные осколки жизни вдруг соединяются в Смысл.

Редакция

Утро понедельника. Веду машину, а перед глазами стоит вчерашний день. После Литургии ездил причащать умирающих. Сперва отправился к Алексею.

На днях в храм приходила его жена. В угол забила и плачет, боится и не знает, как подойти к священнику. А я ее помню, мы с ней когда-то на заводе вместе работали.

— Танюша, что случилось?

— Батюшка, Алеша, мой муж, умирает. Из областного онкоцентра нас выписали еще в конце прошлого года. Доктора только руками развели, мол, простите, ничем не можем помочь. С тех пор так и живем. Алеша угасает, а я с ним рядом. Мне моей бедой не с кем и поделиться, мы ведь приезжие, родные далеко. И хочется душу с кем-нибудь отвести, да только люди меня чураются. Боятся мою беду в свой дом впустить. Когда Леша забудется вечером, я выйду и брожу по улицам одна. Хожу и плачу. Сейчас уже запах от него идет невозможный, изнутри разлагается человек. Я что хочу? Алеша просит его причастить и вообще сделать все, что положено, говорит, по-человечески уходить надо, как деды и прадеды.

Я пришел в их дом, и мы долго с разговаривали с Алексеем. Потом соборовал. Двери в его

комнату и на лоджию была раскрыты, если стоять от его постели метра за два, то терпимо. Но как только, принимая исповедь, я закрыл дверь в комнату, сразу почувствовал тошнотворный запах гниющей человеческой плоти. Его ни с чем не спутаешь. Человек плохо пахнет.

Я причастил его и сказал:

— Алексей, умирать не бойся, теперь ты не один, теперь ты с Богом. С этого дня я буду молиться о тебе, и ты тоже молись.

Он потянулся к тумбочке, взял листок бумаги и подал мне. На нем неровным почерком человека, больше привыкшего сжимать в руках баранку «КамАЗа», чем держать авторучку, была записана молитва Господня.

— Вот, это я сам написал и теперь читаю. С Богом на самом деле не страшно.

Затем я сел на велосипед и отправился к своему другу. Он болеет уже несколько лет, перенес две операции, но коварная болезнь пробралась в кости позвоночника, и теперь он медленно уходит. Уже несколько месяцев его не покидают тяжелейшие боли. Сперва он прекратил спать лежа, бодрствуя ночи напролет. Под утро забудется на пару часов — тем и обходился. Теперь нет и этих часов забвения. Боль с неумолимой периодичностью пронзает тело, точно клинком, испытывая его на прочность. Поначалу боль глушили менее сильными болеутоляющими, потом уколами промедола. Но вот уже больше недели боль не оставляет его ни на минуту. Не помогает и промедол.

Перед моим приходом ему, наконец, сделали укол морфина.

— Как ты, все так же больно?

— Нет, боль отошла, но далеко не уходит.

Стоит и смотрит. Вот теперь, наконец, ушла, а ее больше не вижу. Можно я немного посплю?

Каждое воскресенье я прихожу к нему и причащаю. Раньше о чем-то разговаривали,

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР ДЬЯЧЕНКО

Священник Русской Православной Церкви, настоятель храма в честь Тихвинской иконы Божией Матери в с. Иваново Владимирской области. Активно занимается миссионерской и просветительской работой. Автор нескольких книг, лауреат конкурса «Просвещение через книгу».

теперь нет. Причащаю и ухожу. Ухожу с чувством глубокой вины перед ним, перед тем, что не могу ему помочь.

Вспомнил, как однажды отругал свою маленькую дочку. Она тогда еще и в школу не ходила. Она заплакала негромко. Отошла в сторонку, достала из фартучка носовой платочек, стоит и вытирает слезы. На меня не смотрит, в ее глазах я — сила, которую не превозмочь. С этой силой можно только как-то смириться и сосуществовать. И помню, как в тот момент мне ее стало безумно жалко. Чуть не бегом поспешил из комнаты, чтобы не обнять ее и не прервать воспитательный процесс.

Вспомнил это, когда причащал умирающего друга. Он весь в своих мыслях, на меня не смотрит. Он все сделал правильно: руки скрестил, широко открыл рот. Запил — и заплакал. Тихо-тихо, держит в руках запивку, а слезы градом. Потом, точно как тогда мой ребенок, достал из кармашка рубахи кусочек белой тряпочки и промокнул глаза.

И я подумал, наверное, прежде чем умереть, человек должен смириться с этой мыслью, он должен уходить, превратившись в беззащитное дитя. Противоестественно умирать взрослым и сильным.

Собираюсь уходить, а он подзывает меня.

— Я знаю, ты можешь помолиться, и я, наконец, умру. Попроси, сил больше нет.

Много их было, таких встреч. Когда человеку хорошо, он священника не зовет. Когда с тобой всё в порядке, Бог не нужен. Но почему сейчас так тяжело у меня на душе? Может, оттого, что за два месяца я проводил в последний путь многих, кого знал долгие годы, с кем дружил и вместе растил детей?..

Матушка недовольна. Она давно попросила куда-нибудь заехать выпить кофе, а я все возвращаюсь к своим мыслям и забываю остановиться. Уже перед въездом в столицу остановились у придорожного «Бургеркинга». Сегодня полно таких кафешек, торгующих пластиковой едой. Внутри на прилавке лежало штук двадцать желтых бумажных корон. Пусть и «бургер», а все же «кинг», не обойтись без королевских регалий. Бесплатный подарок для детей.

— Возьмем пару штук для девочек.

Сели за столик, пьем кофе. Матушка все еще продолжает бурчать. Выждав момент, когда она отвернется, я надел на себя корону. Увидев меня с атрибутом абсолютной власти на голове, матушка вынуждена была смириться и замолчать. С королями не спорят.

Я протянул ей вторую корону:

— У тебя есть шанс стать моей королевой.

— Знаешь, нет, я уже не ребенок и в детские игры давно не играю.

У нашей Алисы ответственный жизненный этап. Лиса пошла в детский сад, да еще и на полный день. Мы с бабушкой приехали как раз вовремя, Лиса с мамой только-только вернулись из садика и вышли погулять на детскую площадку.

Я не видел их больше месяца. Малышка вытянулась и, по-моему, похудела. Личико бледное, никак не привыкнет к садииковской каше. Обнял, прижал дитя к себе и слышу, как быстро стучит ее сердечко.

Вечером дочь укладывает старшенькую, а та просит:

— Мама, обними меня.

Я слушаю внучку, а сам смотрю в окно дома напротив. В нем горит свет, какие-то люди сидят за столом. Как и мы, ужинают и о чем-то говорят. О чем? Наверное, о том же. «Мама, обними меня».

Постепенно вид в окне начинает дрожать и расплываться. Я закрываю глаза. В книгах по уходу за детьми пишут, что маленького человечка необходимо своевременно отучать от груди и приучать к самостоятельности. Может, медики и правы, только на самом деле мы приучаем его к одиночеству.

Я читал в книге Давида Шрейбера, как в одной продвинутой европейской клинике действовало отделение интенсивной терапии для недоношенных младенцев. Детей помещали в специальные боксы, в которых создавался особый микроклимат. Контролировались не только температура и влажность, но и множество других параметров. Кормили малышей особой питательной смесью, один в один повторяющей по составу материнское молоко. Во избежание опасности заразить младенцев болезнью, на нет сводилось общение с ними медперсонала, не говоря уже о родителях.

Короче, были созданы идеальные условия, чтобы выжить и набрать необходимый вес. А дети не росли. Однажды ночью, устав от крика такого недоношенного дитяти, медсестра не выдержала и погладила его по спинке. Потом другого, третьего. И произошло чудо — маленькие человечки стали расти.

Человеку, маленький он или большой, очень нужно, чтобы его пожалели. Хотя бы иногда. В современном российском фильме «Громоозека» умирающий хирург, неудачник, растерявший всех, кто его любил, никому не нужный, отправляется коротать последние месяцы своей жизни в хоспис к бывшему однокашнику. Он один, к нему никто не приходит. И тогда он приглашает проститутку. Та заходит в его отдельную палату и по-деловому без слов начинает раздеваться. Бывший врач останавливает ее:

— Не надо!

— Чего же ты хочешь?!

— Пожалей меня...

— Пожалеть? Это как?

— Как мама, в детстве.

Она садится к нему на кровать, а он, свернувшись калачиком, ложится рядом и кладет голову ей на колени. Девушка по вызову, оказывающая свои услуги за деньги, презируемая людьми благополучными, понимает одиночество умирающего человека, гладит его по голове и поет ему песню из детства. Потрясающая сцена.

На следующий день я должен был ехать записываться на один православный телеканал.

Дело для меня это новое, потому я немного волновался. Выехал заранее, хотелось погулять по Москве, а еще я собирался заехать в Новоспасский монастырь, помолиться об Алексее и моем друге, да и не только о них.

В Москве много лет назад я родился, первые годы моей жизни прошли в Лефортове. Наверное, поэтому в моих снах Москва представляла одним большим поленовским двориком. Но сегодня это уже не тот город, который я знал и любил.

Долго живя в провинции, в каком-нибудь крошечном поселке наподобие нашего, привыкаешь к тому, что все друг дружку знают и при встрече друг друга приветствуют. В Москве никто никого не видит. Я специально всматривался в лица. В метро все или читают, или спят. Конечно, я не Ален Делон, но чтобы сквозь тебя смотрели, словно сквозь прозрачную стену, от этого я давно отвык.

Я сижу в вагоне метро, рядом со мной стоит парень лет тридцати и читает что-то из классики. Что именно, я не разглядел, но обложку книги помню по той, прежней жизни. Когда мы еще ценили книги.

«Граждане пассажиры, просьба уступать места инвалидам и беременным женщинам», — раздается голос в динамиках. Неожиданно парень посмотрел на меня, видимо, краем глаза заметив, что я пытаюсь прочитать название его книги. Первый человек за весь день, который посмотрел мне в глаза. Я спросил его:

- Ты не инвалид?
- Нет.
- Хочешь, уступлю тебе место?
- Нет.
- Тогда извини.

Люди, живущие в когда-то моем городе, не улыбаются. И даже больше, мне показалось, что они друг друга боятся.

Иду по переходу и вижу девушку. Она вместе со всеми спешит в плотном людском потоке и разговаривает по телефону. Идет и не видит, что сумочка у нее открыта. Любопытная воришка в считанные секунды изучит содержимое и вытащит все ценное. Ему достаточно просто пройти мимо, и все. И я помчался ей вслед:

— Девушка, у вас сумочка открыта!

Я думал, она улыбнется в ответ и скажет «спасибо» или хотя бы благодарно кивнет. Но девушка, окинув меня тревожным взглядом, прижимает сумочку к груди и бежит к эскалатору.

Хотя я ее понимаю. Мне достаточно просто посмотреть на свое отражение вон в той металлической фальшколонне, сверкающей огнями электрического света.

Сбавив скорость, чтобы девочка не подумала, будто ее преследуют, я тоже ступаю на эскалаторную ленту. Воспользовавшись заминкой, какая-то женщина с большим чемоданом успевает протиснуться вперед и встать передо мной. Я вижу, как по ее виску стекает маленькая капелька пота, и мне ее становится жалко.

Сойдя с эскалатора, женщина, ухватившись за чемодан обеими руками, отталкивает его в сторону от людского потока.

— Давайте я вам помогу.

Она удивленно смотрит мне в глаза:

— Не надо.
 — Не бойтесь, я просто помогу вам сесть в вагон. Вам же тяжело.
 — Не надо, я во всем привыкла полагаться только на себя.

И я иду дальше. Впереди меня и сзади в разных направлениях движется множество людей. У каждого свое дело, свои проблемы и своя беда. И каждый из нас свою беду переживает в одиночку. Почему-то в метро одиночество ощущается особенно остро.

А что делать? Не станешь же о своих проблемах кричать на весь мир. Хотя нет, вон стоит человек и просит милостыню. На груди у него кусок картона с просьбой о помощи. И я замечаю, как, не останавливаясь и не сбавляя скорости, из общего потока высовывается рука и бросает монету в полиэтиленовый стаканчик.

С озабоченными лицами, уставившись в пол, с телефонами в руках и с наушниками в ушах спешит толпа, хотя нет, наверное, не толпа. Помню, один из отцов, говоря о множестве людей, называет всех нас просто Адамом.

Перед моими глазами продолжает бежать многоликий Адам. Адам, однажды призванный стать другом Богу. Изгнанный из рая и загнавший себя в преисподнюю метро, он неспособен даже на жалость к самому себе. Спешит бедолага Адам и не понимает, как он несчастен и одинок.

Блудные дети, настрадавшись от страха, боли и одиночества, мы все в свое время возвращаемся к Отцу.

Иду по переходу, передо мной — пожилая грузная женщина. Каждый шаг дается ей с трудом. Лет десять назад я, не задумываясь, обогнал бы ее и побежал себе дальше. Как там, в детстве?

— Эй, с дороги, куриные ноги!

Теперь мне самому за пятьдесят, с каждым годом все тяжелее ходить по земле. Мне ее жаль, потому что я ее понимаю. Сегодня я жалею ее, может, завтра кто-нибудь пожалеет и меня?

Иду дальше и вспоминаю, что не принял таблетку. А как ее примешь, когда нет воды. На мое счастье в одном из уголков замечаю крошечное «быстро». Отлично, подхожу к продавщице, молодой женщине лет тридцати.

— Девушка, мне нужно запить таблетку, налейте мне немного теплой воды.

Та, не отрываясь, смотрит куда-то мимо меня:

— Не положено.

— Тогда продайте как стаканчик чая. Только пакетик туда не опускайте.

— Не положено.

— Тогда дайте мне пакетик отдельно, а в стаканчик налейте немножко воды.

— Не положено.

И она, словно замороженная, продолжает смотреть на бегущую мимо толпу.

Подошла другая продавщица и подала мне полный стакан горячей воды. Меньше не положено. Я расплатился за чай и стал ждать, пока вода остынет.

Наконец я приехал на «Пролетарскую», вышел в город. Я здесь уже был и достаточно хорошо ориентируюсь, чтобы быстро найти Новоспасский монастырь. Да отсюда и идти-то всего два шага. Спускаешься в подземный переход — и вот он, монастырь.

Иду по переходу, никого. Только на той стороне, почти у самого выхода лежит большая лохматая собака. Лежит и спит, не обращает на меня ни малейшего внимания. Подхожу ближе, пригляды-

ваюсь — совсем старая и больная. На шее — широкий ошейник. Ого, ошейник в мегаполисе — это такая же охранная грамота, как и американский паспорт. Хотя и без ошейника такую никто не тронет, подымать ногу на старика — это же себя не уважать. Я прошел дальше, тут же забыв про пса.

Войдя в монастырь, прямоком направляюсь в храм. Поднимаюсь по лестнице и вижу в притворе чудотворный образ Божией Матери «Всецарица». Прежде я ее никогда не видел, потому поразился необычному окладу искусной работы. И еще удивило, что возле чудотворного образа почти никого не было. Одна-единственная женщина стояла чуть в стороне и читала акафист. Я тоже встал у самой стенки напротив образа и стал молиться.

Я просил об Алексее и, конечно, о моем друге. Вспоминал и других болящих, молился о них. Потом подал записки на Литургию и молебен, зажег свечу и поставил на подсвечник рядом со «Всецарицей». Этим летом мы написали такой же образ для нашей больничной часовни. Вот достроим часовенку и поставим в ней образ Пресвятой.

Возвращаюсь той же дорогой и вновь спускаюсь в подземный переход. Пес лежит на том же месте, но уже не спит. Лежит и наблюдает за мной. Я перехватил его взгляд и поразился. На меня смотрела не собака, нет, совсем не собака, а старый мудрый человек. И смотрел он не на меня, а в меня. Да, обладатель такого взгляда не поведется на корочку хлеба. Разве что на сосиску, но на сосиску и я бы сейчас повелся. И вообще, порой мне кажется, что я сам похож на такую же собаку, старую и жизнь повидавшую.

— Понимаешь, друг у меня умирает. Страдает очень и никак не умрет. Вчера у меня смерти просил, но ведь я же не Бог и не решаю, кому и когда уходить. А он верит, что я могу помочь. Вот, приехал к Пречистой, просил молитв.

Я рассказал собаке о последних неделях, о том, как терял одного за другим друзей от одной и той же болезни, как все это время умирал вместе с ними. И о том, что очень устал. А пес лежал и внимательно слушал. Сколько таких историй он выслушивает каждый день, лежа в подземном переходе, от тех, кто в последней надежде идет ко «Всецарице»?

Рассказал и почувствовал облегчение. Спасибо, собака, ты делаешь большое дело.

До телестудии я добрался без опоздания, поднялся на лифте на пятый этаж. Милая девушка провела меня в небольшую комнату и попросила подождать, а чтобы мне не было скучно, предложила кофе с пирогами. Я ел пирожки и ощущал, как тревога от предстоящих съемок постепенно улетучивается.

Вскоре в комнату вошел человек, с которым мы должны были вести диалог. Я часто видел его по телевизору, читал его книги, но вживую еще не встречался. Он улыбался и очень по-доброму на меня смотрел, Эти глаза мне нравились.

— Как вы находите столицу?

— Замечательно, жизнь бурлит.

— Успели где-нибудь побывать?

— Да, в Новоспасском у «Всецарицы». Друг у меня умирает, страдает очень.

Мы помолчали, и он понимающе вздохнул: — Сегодня рай наполняется онкологическими больными. — Потом продолжил:

— Батюшка, в нашем предварительном разговоре по телефону, когда я спросил, о чем будет наш диалог, вы сказали, что хотите поговорить о маленьком человеке. Я потом думал над вашими словами. Маленький человек — это жалкий человек?

— Нет, маленький человек совсем не жалок, просто всякий из нас человек маленький и нуждается в том, чтобы его пожалели. Даже те, кого мы привыкли считать большими, в какой-то момент вновь становятся маленькими, если и нужными, так только своим близким, и тогда тоже нуждаются в поддержке и сочувствии. Большие люди даже больше, чем маленькие, нуждаются в нашей жалости. Просто они об этом не задумываются. Когда-то давно, будучи молодым священником, я принимал исповедь у одного человека. И чем больше я его слушал, тем больше росло желание взять палку и хорошенько его отходить. Но время жизни течет, стареешь и понимаешь — людей не надо ни ругать, ни наказывать, их надо жалеть. Сегодня я просто бы его обнял и пожалел. Таково предназначение священника — жалеть людей. Порой приходит кто-нибудь к покаянию и просит: батюшка, назначь мне епитимию. А я понимаю: не надо его наказывать, он и так уже себя наказал.

Я продолжал говорить, а потом посмотрел на моего собеседника и вдруг увидел в его больших восточных глазах слезы. Сегодня я уже видел похожий взгляд в подземном переходе недалеко от станции метро «Пролетарская».

Два прежде незнакомых мне существа, собака и человек, выслушали меня сегодня и пожалели. А это совсем немало для такого огромного города.

Вечером выхожу из метро и сажусь в автобус. В салоне есть свободные места, но я не сажусь. Они для тех, кто сегодня целый день работал, и сейчас, уставший, возвращается домой «без ног». Звонок, достаю телефон.

— Батюшка, Алеша умер.

— Когда?

— Только что. Весь день он дремал. Потом слышу, проснулся и зовет меня. Попросил сесть рядом, взял меня за руку. Говорит: «Я сейчас умру. Пожалуйста, не уходи, побудь со мной».

Я слушаю голос в трубке, и на память приходит моя маленькая Алиса: «Мама, обними меня». **Ф.**

Рисунки **Наталии Кондратовой**

Этот текст — фрагмент из книги протоиерея Александра Дьяченко «Схолии», которая вышла недавно в издательстве «Никея» и в которой собраны истории жизни разных людей, основанные на дневниках и документах и увиденные глазами православного священника.